

ИСКУССТВО

АЛИНА ТАЛЫБОВА

«И ЖИЗНЬ, И СЛЕЗЫ, И ЛЮБОВЬ...»

(К 100-летию со дня рождения Ингмара Бергмана)

«Ты не плачь, не плачь, не плачь. Не надо.

Это только музыка – не плачь.

Это всего-навсего соната...»

Е.Винокуров

«Мне Брамса сыграют –

Я вздрогну, я сдамся!..»

Б.Пастернак

«...Но если оба вдруг сдаются,

То сразу оба победят!..»

Е.Евтушенко

Ровно сорок лет назад, в 1978-м, уже культовый к тому времени шведский режиссер, сценарист, драматург и продюсер Ингмар Бергман оказался под следствием за неуплату налогов. Это бы еще полбеды – на нашей памяти немало киношных знаменитостей, от Чаплина до Софи Лорен, которые в то или иное время оказались в подобной малоприятной ситуации. Но, как выяснилось, Бергман не просто категорически не платил эти самые налоги, но еще и искренне не понимал, кому и за что он должен их платить, ибо большую часть своей жизни проводил в своем, до предела «авторском» мире, изредка совершая вылазки в окружающую реальность, обычно заканчивавшиеся очередным браком – или очередным киношедевром... Дуэль с законодательной машиной завершилась тем, что Бергман за подобное «диссидентство» оказался – ни много, ни мало – в психиатрической клинике. Видимо, блюстители закона посчитали это самым радикальным средством, способным вернуть непутевого творца в суровую реальность XX века. Средство помогло – после выхода из клиники Бергман в рекордно короткий срок снимает фильм «Осенняя соната», который навсегда вошел в топ-лист мирового авторского кинематографа.

В нынешнем году Бакинский Русский драматический театр им.С.Вургуня завершил свой очередной сезон звучным и точным аккордом – премьерой «Осенней сонаты» в постановке режиссера Ильгара Сафата, с Народной артисткой Азербайджана Людмилой Духовной в роли Шарлотты Андергаст. Спектакль, формально приуроченный к 100-летию со дня рождения Бергмана, получился на удивление «неформальным», избавленным от всякой обязаловки и юбилейщины, тонким, умным, сквозящим осенней горечью и неярким светом остывающего солнца, став поистине глотком свежего, насыщенного творческим озоном воздуха для измученных экстремальной жарой нынешнего лета бакинских театралов. Спектакль однозначно удался, порадовав зрителей сочетанием хорошего вкуса и демократичности, нешаблонным режиссерским прочтением и блестящими актерскими работами.

Как известно, Бергман сам писал все свои пьесы и сценарии, которые потом сам же и воплощал на сцене (или на киноленте). В фокусе его внимания в том или ином преломлении неизбежно оказывались две темы: смерть и трагический дефицит любви в современном мире. Вот и в «Осенней сонате» в полный голос звучит та же тема: *«Дочь и мать – какое трагическое сплетение любви и ненависти, зла и добра, хаоса и созидания...»* В свое время Бергмана называли среди прочего «единственным мужчиной, способным в полной мере понять женщин» – именно эту свою способность он еще раз убедительно продемонстрировал в «Сонате». Тема «дочки-матери» (а в данном случае уместнее сказать «дочки-мачехи»), поднятая им, предельно драматична и, увы, вечна: один из самых распространенных мифов человечества – миф об обязательной родительской (тем паче, материнской) любви к своим чадам. Этот «основной инстинкт», уходящий корнями в доисторические времена, стал одним из главных брендов и фетишей людского социума, веками культивируясь в человеческом сознании религиозными установками, общественной моралью, тысячами книг, цитат, песен, фильмов... Между тем, присмотревшись к реальному, а не к иллюзорно-возвышенному миру, приходится констатировать: да, безусловно, родительская (материнская) любовь существует, являя подчас чудеса преданности и самопожертвования, но... Но давайте оглянемся вокруг – разве мало мы видим даже в ближайшем окружении печальных примеров, когда дети являются отнюдь не смыслом родительского бытия, а всего лишь *обязательным* и оттого донельзя раздражающим фактором даже во вполне благополучных на первый взгляд семьях? Дальше – больше: разве история человечества знает мало примеров драматического, а порой и трагического несходства, отторжения людей, связанных узами кровного родства – так же, как и удивительного духовного совпадения людей, этим самым родством абсолютно не связанных?

Не углубляясь сейчас в вечную проблему противостояния отцов и детей, не пытаюсь проникнуть в большую психику родителей-садистов или анализировать проблему движения «чайлд-фри»¹, ширящегося сегодня в мире, давайте просто остановимся на некой исходной точке, признав, что кровное родство вовсе не гарантия трогательной пожизненной любви между теми, кто оказался связан им в этой жизни. Помните, у Леонида Филатова: *«Перепутал год, /Перепутал век – /И тебе не тот / Выпал человек...»* Обычно эти слова относят к несовпадению в любовных тандемах, но ровно с таким же правом их можно отнести и к парам «мать-дочь», «отец-сын» и т.д. Загляните хотя бы в глобальную сеть: сколько там сегодня форумов, напитанных слезами и сердечной болью от противостояния, казалось бы, самых близких на свете людей – тех, от которых мы прежде всего ждем поддержки, понимания, защиты от жестокого внешнего мира... А если вспомнить, что большинство мужчин (во всяком случае, в нашей культуре) имеют приятное обыкновение абстрагироваться от взращивания и воспитания собственных чад, то в фокусе (я бы даже сказала, в прицеле) общественного внимания в первую очередь оказываются отношения именно с матерью (соответственно, выступающей также в ипостасях бабушки, тещи, свекрови). И сколько же в этом фокусе изломанных судеб, сорванных нервов, криков души о любви, оставшейся безответной, переплавляющейся с ходом времени в ненависть, в патологию... И, конечно же, самая драматическая комбинация на этом поле – мать и дочь.

¹ «child-free» (англ.) – букв. «свободные, избавленные от детей», современное движение, провозглашающее сознательный отказ от материнства и отцовства.

Именно этот сложнейший психологический узел и стал темой «Осенней сонаты», вызывая на протяжении вот уже четырех десятилетий самый живой отклик у читательской и зрительской аудитории во всем мире. Вот и в Баку 2018-го «Соната» прошла буквально «на ура», вызвав искренние слезы на глазах зрителей и заставив снова и снова аплодировать создателям спектакля за пережитый духовный катарсис.

Говорят, всех нас в осеннюю пору жизни тянет с равной силой как к своим истокам, так и к продолжению – детям, внукам... Сюжет представленной нашему вниманию истории абсолютно банален: известная пианистка Шарлотта (Людмила Духовная) после долгих лет отсутствия приезжает в маленький городок, где ведет свою ничем не примечательную жизнь ее дочь Ева (Румия Агаева) со своим добрым, но опять же ничем не примечательным мужем-пастором (Алексей Сапрыкин) и сестрой-инвалидом (Тамила Абуталыбова). Яркой тропической птицей впархивает блистательная Шарлотта в серое провинциальное бытие этой не слишком счастливой семьи... Что привело ее сюда? Стремление передохнуть от суеты светской и гастрольной жизни? Настоячивые приглашения Евы? Желание пообщаться с дочерью, ощутить себя в лоне любящей семьи? Последнее – вряд ли: ведь за все эти годы, регулярно получая трогательные письма от дочери, Шарлотта ни разу так и не удосужилась навестить ее, не успев даже увидеть собственного внука, трагически погибшего некоторое время назад.

Непростая миссия досталась любимице бакинской публики Людмиле Духовной – в первую очередь потому, что в зрительской памяти еще жива блистательная Ингрид Бергман, исполнившая эту роль в фильме своего звездного однофамильца, с ее потрясающей харизмой, тщательным прорисовыванием деталей, тончайшим психологизмом... Можно в этом ряду упомянуть и «модную», но, на мой взгляд, неоднозначную версию «Современника» с Шарлоттой-Неёловой... Но Духовной не впервые тягаться с великими предшественницами и звездными современницами (достаточно вспомнить ее Филумену Мартурано, миссис Сэвидж и многие другие знаковые роли в ее «послужном списке»), и, надо отметить, она всегда выходит победительницей в этих виртуальных «турнирах». Так и на этот раз: не подражая великой Ингрид и не ломая классического рисунка роли в поисках ложной оригинальности, она, с подачи Ильгара Сафата, создает на сцене свою Шарлотту – яркую, талантливую, сложную, сильную, страстную, жесткую, ранимую, одинокую... Список эпитетов можно продолжать и продолжать – поистине тут есть, что играть, и есть, где развернуться драматическому таланту примы РДТ, раскрывая самые разные грани своего дарования и профессионализма. Такое ощущение, что актриса и эта роль уже давно шли навстречу друг другу, и встреча эта оказалась радостной не только для них, но и для всех нас, собравшихся в этот вечер в театральном зале. Как известно, нет однозначно хороших и однозначно плохих людей – слишком много красок намешано Творцом на его «палитре» и, соответственно, в наших душах. Именно поэтому так важно актеру выстроить правильное отношение к своему персонажу, в первую очередь, не осуждая или прощая, а – пытаясь понять того или иного человека, чтобы прожить с ним или с ней целую жизнь за короткие два часа, проведенные на сцене.

Кстати, для Ингрид Бергман эта роль стала первой и единственной сыгранной у великого однофамильца, – звезды не сошлись характерами и творческим подходом. Ингрид иронизировала над, на ее взгляд, надуманными и нудными диалогами, составлявшими творческую «фишку» Бергмана, что, само собой, не добавляло ей симпатии в его глазах... Но, к счастью для всех нас, с недавнего времени мы имеем

возможность наблюдать, как сложился и набирает силу замечательный творческий тандем «Ильгар Сафат – Людмила Духовная». История драматического искусства полна примеров того, как важно актеру найти «своего» режиссера, а режиссеру обрести «своих» актеров – именно такое точное попадание, совпадение профессиональных и личностных позиций и является главным залогом полноценной творческой реализации. Еще одно подтверждение этому – недавний успех «Бульвара Сансет», поставленного все тем же Ильгаром Сафатом специально для Людмилы Духовной и ставшего ее триумфальным возвращением на сцену после затянувшегося творческого простоя.

Выпускать премьеру под занавес сезона, когда в городе витает «отпускное» настроение и кажется, что все наиболее интересные театральные события уже произошли – задача не самая благодарная. Чтобы привлечь зрительское внимание в этот период, нужно действительно нечто неординарное и по-настоящему талантливое, и сегодня можно констатировать, что на фоне других постановок последнего сезона «Осенняя соната» – это безусловная удача театра, я бы даже сказала – некий прорыв, по той простой причине, что, ой, как нечасто в последнее время, выходя из театрального зала, осознаешь, что тебе хочется непременно прийти на спектакль еще раз. Мы сегодня живем в эпоху одноразовой продукции, и нередко эта одноразовость распространяется и на область нематериальную – мысли, чувства, арт-объекты. Соответственно, из театрального репертуара практически пропали спектакли, которые, как это было в золотую эпоху РДТ, шли бы по много лет, становясь событием и открытием подчас для нескольких зрительских поколений. По этой же причине приходится все увеличивать число премьер и ужимать срок их подготовки, чтобы оперативно слепить что-то новенькое, но, увы, недолговечное – строго по Куприну: *«Пьесы ставились, как на курьерских... Вторая репетиция была и генеральной, а небольшие драмы и комедии шли вообще с одной репетиции...»*¹

Еще в пору пребывания в ипостаси активно пишущего о театре журналиста, я любила бывать на предпремьерных прогонах – при всей своей неровности в них всегда есть что-то одновременно приподнято-праздничное и взволнованно-неформальное, и точно так же не любила бывать на премьерах с их светской помпезностью и соответственным напряжением, как на сцене, так и в зале... (Кстати, во всех своих поездках всегда прошу своих театральных друзей провести меня именно на репетиции, где есть возможность наблюдать, как зарождается и формируется тот самый творческий «продукт»). Спектакль – это ребенок, которому нужно время, чтобы освоиться в новой для него реальности и прочно встать на ноги, именно поэтому настоящие театралы предпочитают не премьерные, а более поздние, уже «обыгранные» спектакли. Однако, к чести создателей и радости зрителей бакинской «Сонаты» нынешняя премьера смотрится удивительно слаженно и легко, раскованно и органично, за что, в первую очередь, респект постановщику Ильгару Сафату, которого традиционно отличает хороший вкус, ясный интеллект, не отравленный снобизмом, вдумчивый подход к драматургическому материалу, уважение к актерам и зрителям. Именно все перечисленное и позволяет ему, не ноя и не жалуясь на падение культурных вкусов в обществе, осуществлять успешные постановки классики разных столетий, не насилуя ни ее, ни нас псевдо-авангардными прочтениями и ультра-радикальными постановками – думается, зрители за последние пару десятков лет уже явно подустали от Онегина в образе наемного киллера и татуированного по шею Ромео в образе крутого

¹ А.И.Куприн. «Как я был актером».

диджея... Кроме перечисленного, Ильгару Сафату присуща еще одна важная черта, что свойственна по-настоящему талантливым людям в любом возрасте и статусе – он гибок и обучаем, готов меняться и менять что-то в своем профессиональном видении и инструментарии. Вот и этот его спектакль стал очевидным подтверждением того, что театральный профессионализм режиссера крепчает от постановки к постановке.

Румия Агаева, исполнившая в спектакле партию «второй скрипки», стала лично для меня открытием нынешнего сезона. В фильме Бергмана в этой роли занята одна из его любимых актрис – Лив Ульман, которая появляется на экране во многих работах мастера. Драматический накал этой роли, возрастающий от сцены к сцене, требует серьезной работы и отдачи от ее исполнительниц. И если Шарлотта – натура неоднозначная и сложная, то и дочь ее (при всей наружной ординарности и даже пресноватости) ничуть не уступает в этом смысле матери. Налицо – характер, прочный внутренний стержень, который позволяет ей достойно проходить через внешние и внутренние испытания, нести ответственность за близких. При всем внутреннем надрыве и неблагополучии ее внешнего и внутреннего мира, Ева не сдается, ее держит сознание нужности мужу и сестре, верность памяти маленького сына. Невольно вспоминаются слова о том, что Бог дает всем нам ровно столько, сколько мы можем выдержать... Пожалуй, в Еве в исполнении Румии Агаевой отчетливее читается бунтарское начало, натура, рвущаяся из пут судьбы, отказывающаяся смиряться и признавать сложившийся порядок вещей – тут и яростное желание доказать матери, что она достойна ее любви, и раздирающая душу смесь влечения и отторжения, застарелой детской обиды и желания наконец «вырасти», распрямиться, вздохнуть полной грудью, говорить и быть услышанной самым близким человеком... Молодая актриса находит убедительные краски для создания образа, не позволяя ничего лишнего, точно останавливаясь на невидимой, но такой опасной грани, за которой закачивается актерство и начинается актерствование. И хотя кто-то из моих коллег писал в рецензии на спектакль о «срыве» и «истерике», представленных в спектакле, я позволю себе не согласиться с этими определениями: не было на сцене модной нынче истерии, выкручивания зрительских нервов – была большая жизненная, психологическая драма и живые люди, переживающие ее на наших глазах.

Нельзя не отметить и впечатляющую пластичность Румии – и это опять же не просто умение классно станцевать «на заданную тему», а лепка того самого образа, в том числе и пластическими средствами. Роль Евы – несомненная удача молодой актрисы, за что опять же стоит поблагодарить режиссера и – отдельной строкой – ее великолепную партнершу Шарлотту-Духовную. Есть прекрасная пословица: «Только те молодые птицы не попадают в силки, которые летают вместе со взрослыми птицами». Ах, как же дорого стоит возможность «полетать» рядом с такими профессионалами, как Людмила Духовная!.. Знаю, что Людмила Семеновна никогда не упускает случая помочь, поддержать талантливый театральный молодежник, поделиться с ним наработанным за всю ее сценическую жизнь профессиональным «багажом», секретами мастерства. (Здесь снова уместно вспомнить «Бульвар Сансет», где в поле такого прекрасного творческого «облучения» оказался еще один молодой партнер Людмилы Духовной Ярослав Трифонов, так же интересно заявивший о себе в этом спектакле). Да просто само ее присутствие на сцене – уже замечательная школа, было бы желание вбирать и впитывать в себя ее щедрые «подарки». У Румии Агаевой такое желание, однозначно, присутствует, и, как результат, мы могли наблюдать на сцене блестящий актерский дуэт, где звезда «не тянет одеяло» на себя, а моло-

дая актриса, благодаря такой поддержке, играет раскованно и ярко, в полной мере раскрывая свое природное дарование. Уверена, что мы еще не раз будем аплодировать актерским удачам Румии Агаевой.

Непростая роль досталась и молодой актрисе Тамиле Абуталыбовой. В режиссерском прочтении ее Лена – это не столько реальный человек, сколько символ боли, неблагополучия, болезненной патологии в отношениях матери и дочерей, истерзанной души, запертой в полуразрушенном теле, яростно бунтующей против своего полурастительного бытия, бессилия что-либо изменить и всего этого жестокого мира в целом... Ее Лена поистине звериным чутьем ощущает неискренность матери, ее внутреннее отторжение, ведь тяжело и неизлечимо больная дочь – это источник того самого душевного дискомфорта, от которого всю жизнь и подсознательно, и вполне сознательно бежит Шарлотта. Удачно проработана идея с поворотом сценического круга – даже когда кровать, к которой прикована Лена, скрыта от глаз зрителя, она незримо участвует в происходящем, ее присутствие, как некоего трагического фантома, темной тени, нависшей над всеми участниками драмы, читается совершенно отчетливо,

«Негромким», но органичным предстал в своем образе Алексей Сапрыкин (кстати, он не только один из наиболее заметных сегодня актеров РДТ, но и многолетний автор нашего журнала). Его Виктора отличает присущее северному менталитету отсутствие ярких внешних проявлений личных чувств и желаний. Перед нами немолодой, уставший человек, безнадежно примирившийся с реальностью и принимающий этот мир и его обитателей такими, какие они есть. Но чувства его, скрытые под наружной «нордической» холодностью, в реальности глубоки и болезненны – нет-нет они и прорываются наружу из-под покрова холодного спокойствия, которым он окутал себя, как дымом из любимой трубки. Тут и переживания за изломанную психику жены на фоне отчетливого осознания того очевидного факта, что Ева никогда не любила его, и неслабеющая со временем скорбь по потерянному ребенку, обернувшаяся драматическим бунтом против того Бога, которому он верно служил всю жизнь... Но ведь не зря Ева признается, что она не знает, что с ней стало бы, если бы не Виктор, что главное в их отношениях – это то, что они настоящие друзья. А ведь такое в нашей жизни стоит не меньше, а, возможно, и больше, чем самая жаркая и всепоглощающая страсть, потому что правильно было замечено: *«Брак – это договор о совместном противостоянии трудностям»*, когда двое людей плечом к плечу, спина к спине противостоят всем житейским бурям, поддерживая, спасая и утешая друг друга.

Во все времена любое по-настоящему творческое событие – это то самое кредо, которое с легкостью высекает огонь в сердцах и душах современников. Еще одно спасибо создателям спектакля уже за то, что, выйдя из театра, многие мои знакомые в тот же вечер взялись перечитывать бергмановскую пьесу и пересматривать культовый фильм. Кстати, тут-то многие с удивлением и обнаружили принципиальное различие финалов шведской и бакинской «Сонат» – в первоисточнике Шарлотта попросту сбегает, стремясь к такой привычной ей атмосфере творчества, праздника, мужского внимания – только в ней она может быть собой и дышать полной грудью, задвинув в дальний уголок сознания память о бедах так и оставшихся для нее чужими и непонятными дочерей, о своей неспособности стать им опорой и утешением. Бергман, с его невротическим мироощущением, просто не мог бы вывести иного логического финала этой истории, но для нас, сегодняшних, «объевшихся» чернухи и

безнадеги, живущих в не самое легкое время, когда требуется постоянное напряжение сил и нервов, вполне естественным предстает решение Ильгара Сафата дать иной финал своему спектаклю. «Нет, – говорит он, – не все еще потеряно и разрушено, еще можно разорвать этот порочный круг наследственной нелюбви. Пока мы живы, пока мы чувствуем биение сердца – никогда не поздно остановиться, оглянуться, понять и простить, взглянуть друг другу в глаза, протянуть руку навстречу другой руке, обняться, заплакать и засмеяться...» И это вовсе не банальная приверженность к «хеппи-энду» – мы безоговорочно верим этой «импровизации на тему Бергмана», потому что в ней нет ни одной фальшивой ноты, ведь, как было сказано когда-то еще одним великим драматургом, *«Дайте человеку хотя бы на два гроша надежды – нельзя жить без надежды!..»* Абсолютно убеждена, что главное предназначение искусства – дарить человеку эту самую надежду, даже там, где ее, кажется, нет вовсе, что даже трагедия должна быть, пусть и не явно, но все-таки «оптимистической», ибо иначе все наше бытие погрузится во мрак безнадежности, отчаяния, мизантропии, агрессии... Именно поэтому в бакинском переложении «Сонаты» Шарлотта в финале остается с дочерьми, чтобы вместе поискать пути друг к другу, попробовать залечить жгучие раны прошлого и выстроить новые отношения, проникнутые любовью и заботой, стать близкими не только по факту рождения, но и по духовному, сердечному родству... Удастся это им или нет – ответ на этот вопрос режиссер оставляет открытым, предоставляя каждому из нас отвечать на него по-своему, но то, как органично на протяжении всего спектакля нас подводят к такой кульминации этой непростой истории – однозначное свидетельство того, что спектакль состоялся и стал серьезной заявкой со стороны его создателей на будущие успехи.

В заключение надо отметить еще два немаловажных момента. В подтверждение давней истины, что талантливый человек талантлив, если не во всем, то, во всяком случае, во многом, Ильгар Сафат, как правило, сам занимается как музыкальным, так и художественным оформлением своих работ, костюмами своих сценических персонажей. И то, и другое, и третье получается у него так же интересно и талантливо, как и все остальное, внося свою лепту в сложный и красочный мир спектакля. Прелюд Брамса, ставший сквозной мелодией «Сонаты», то обманчиво прекрасен в своей безупречной гармонии, а то превращается в бьющее по нервам нагромождение звуков – ведь это еще одно «зеркало», отражающее внутренний мир героев.

Среди мелких недочетов хотелось бы отметить, что порой в театральных работах режиссера не хватает глубины сценического пространства, которое смотрится по-экранному плоским – хорошо бы подумать о том, чтобы каким-то образом преодолеть этот момент в будущих постановках, а также разобраться с недостаточно отчетливым в определенных моментах звуком, чтобы до зрителя доходило каждое произнесенное на сцене слово... Но все это уже детали, которые легко шлифуются в рабочем порядке.

Остается сказать, что присутствовавший на премьере Посол Швеции в Азербайджане был настолько впечатлен спектаклем, что сегодня ведутся переговоры о том, чтобы бакинская «Соната» была сыграна и перед шведскими зрителями. Искренне желаю, чтобы этот проект увенчался успехом и азербайджанское театральное искусство было в очередной раз представлено на международной сцене таким сильным творческим аккордом.